

УДК 101.316.3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОГО РАЗНОМЫСЛИЯ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Сухоруков Дмитрий Сергеевич

Рассматриваются три основных этапа развития христианского разномыслия и борьбы с инакомыслием в период Средневековья, их социальное значение.

Ключевые слова: христианство, религия, Великий раскол, схизма, дуализм, Реформация.

We consider three main stages of development Christian differences of opinion and control dissent in the Middle Ages and their social value.

Key words: Christianity, the religion, The Great Schism, schism, dualism, the Reformation.

В Средние века в политической и социальной жизни Европы христианская религия стала играть одну из ведущих ролей. В большей степени это, разумеется, относится к Западной Европе, но и для жителей христианского Востока их вера была весьма важна. Несмотря на то, что в большей части европейских государств римо-католичество и православие имели монополию на толкование христианского вероучения, регулярно возникали различные догматические противоречия и споры, порой принимавшие характер самых настоящих религиозных войн христиан против христиан, сколь бы парадоксально это ни звучало. Разделение Вселенской Церкви на католическую и православную было одним из таких явлений. Позднее Реформация расколет теперь уже Западную Церковь, масштаб этого явления сложно переоценить. Между этими двумя событиями имело место менее заметное, но, возможно, в чем-то даже более важное для последующей судьбы Европы появление и быстрое распространение дуализма.

После принятия православного христианства в качестве государственной религии Римской империи и усиленной догматизации казалось, что отныне многие проблемы доникейского периода исчезнут. Древнее доникейское христианство было весьма неоднородной религией, совокупностью учений, толкований, обрядов. Православие же должно было стать той общей верой, что соединит собой всех граждан империи независимо от их этнической принадлежности и социального статуса. Постоянное возникновение ересей и расколов и породило феномен Вселенских соборов, призванных раз и навсегда закрепить, кодифицировать правильное понимание православного вероучения. Практически каждый догмат являлся официальным ответом на неверное с православной точки зрения толкование того или иного вопроса из Священного писания. Однако, несмотря на эти усилия, разномыслие продолжало расцветать. Виною этому была в первую очередь сама структура древнехристианской Церкви. Отсутствие единого главы и соборный метод управления изначально предполагает множество точек зрения по одному и тому же вопросу, особенно если каждую из них представляет светлый ум просвещенного философа и богослова. Здесь необходимо сделать небольшое отступление в раннюю историю Церкви. Римская империя, как и подобает крупному государству, для удобства управления имела административное деление на четыре префектуры. «Церковь, сначала Восточная, нашла удобным приспособить к этому новому делению государства и свое административное управление. Единицами внутреннего церковного управления были провинции, епархии, а носителями церковного объединения – митрополии (диоцезы). Из них к началу III века выделились три: Римская, Александрийская и Антиохийская. В IV веке к ним присоединяется Константинопольская кафедра. Митрополиты этих 4-х кафедр стали с половины V века называться патриархами. К ним нужно еще присоединить епископа Иерусалимского, который сохранял права чести, не отвечавшие его городу в административном отношении» [1. С. 312]. Каждая из поместных церквей со временем впитала в себя древние традиции народов, проживавших на ее территории, вобрала многое из философии. Так, например, Александрийская кафедра в своих богословских изысканиях базировалась на учении Платона и поиске скрытого смысла в священных текстах. В противовес ей Антиохийская кафедра придерживалась логики Аристотеля и буквального толкования прочитанного в Библии. Очевидно, что для Римского государства с его извечным стремлением к унификации подобные различные подходы к толкованию христианства были крайне нежелательны.

Со времени падения Западной Римской империи и возвышения Константинополя в политической жизни христианской Церкви произошел ряд перестановок, фактически вылившийся в противостояние Западной и Восточной церквей, а если точнее, то двух столиц империй: Рима и Константинополя; остальные кафедры практически утратили свое влияние. Именно с этого времени стоит искать корни будущего Великого раскола 1054 г. Чаше даже не вероучительные, а политические причины разделения полномочий служили поводами для ссор между двумя великими церквями [2]. «Начало разногласий прежде всего на Востоке, а затем в отношениях между Востоком и Западом, было положено учреждением Константинопольской архиепископии, а потом и возвышением её как столичной» [1. С. 573]. Подобным образом была принижена роль Александрийской кафедры, исторически значимой и первой среди Восточных церквей. Несмотря на то, что Западная Римская империя пала под натиском германских племен, в перспективе проигравшими оказались отнюдь не бывшие римские граждане. Варвары, пришедшие покорить непобедимый доселе Рим, оказались сами побеждены его высокой культурой. Стремясь причаститься к древней культуре и обычаям, варварские короли охотно принимали короны на свои головы из рук римского епископа. Честолюбие и осознание себя

больше, чем просто очередным вождем, делало этих людей покорными слугами казалось бы павшего Рима. Вслед за своими знатными правителями, теперь уже христианами, спешили принять новую веру и остальные члены новых государств. Сначала верхушка, затем воинство и мирные жители становились христианами. Власть римской кафедры возрастала. Показателен известный факт отступления от стен Рима армии Атиллы по просьбе папы Льва I. На территории бывшей Западной империи со временем сложилась особая форма управления, получившая название «папоцезаризм», что означает примат духовной власти над светской. Несмотря на различие культур населявших Западную Европу народов, практически все из них к началу XI в. были христианами, входившими в юрисдикцию папы римского. Таким образом, воплотилась идея древних императоров об унификации вероучения и объединении всех подданных с помощью христианской религии. Одинаковые обряды и латинский язык в качестве богослужебного помогали достижению цели централизации католической церкви. Путешественник с одного конца Европы мог зайти в храм на другом конце и ощутить себя словно дома.

Совсем иным путем пошла Восточная церковь. Примат светской власти над духовной был установлен фактически со времен первых Вселенских соборов, когда именно император присутствовал на них и разрешал своими указами богословские споры. Восточная церковь была подвластна византийским императорам и служила дополнительным духовным рычагом власти в деле управления гражданами. Позднее император Юстиниан закрепил подобное положение дел законодательно.

Нежелание римских пап подчиняться восточным императорам и в свою очередь желание подчинить себе непокорных епископов постоянно выливалось в конфликты между церквями, которые в итоге привели к тому, что в 1054 г. Вселенская христианская Церковь разделилась на Западную и Восточную окончательно. Разумеется, канонические и догматические расхождения тоже имели место, но они были во все времена, что не мешало существовать единой Церкви. Также следует упомянуть об этнографической причине конфликта. Греческий и римский менталитеты различаются столь сильно, что это послужило делу схизмы. Итак, в 1054 г. христианская Церковь разделилась на две великие ветви окончательно и бесповоротно. Развитие Церквей и народов, в них входящих, пошло по двум разным путям.

Несмотря на разделение Церквей, культурные, этнические, политические связи между народами, входившими ранее в Римскую империю, продолжали существовать. Поэтому неудивителен тот факт, что, возникнув на задворках Византии, какая-нибудь ересь скоро обнаруживалась где-нибудь во Франции. Почти сразу после раскола 1054 г. начался еще один важный этап развития разномыслия – появление дуалистических течений. Корни дуализма лежат в глубокой древности, особенно это характерно для Востока. Несколько позднее, во времена античности, было весьма распространено гностическое христианство, также дуалистическое. В фундаментальном исследовании Милана Лося [3] прослеживается преемственность гностицизм-маркионитство-павликианство-богомилство-катаризм.

На последних двух остановимся подробнее. Недовольство народа официальной религией заставляло его искать иные пути общения с Богом. Глядя на симонию Запада и полное подчинение светской власти Востока, люди все чаще задавались вопросом: «От Бога ли эта церковь, или же она просто украли одежды истинной Церкви?» Из этого вопроса со временем выросли движения катаров и богомилов. По сути, это одно и то же движение, но по-разному называвшееся в различных регионах. Уникальными являются не столько доктринальные взгляды средневековых дуалистов, сколько социальный аспект их учения. Наиболее ярко это отразилось в движении катаров, широко распространившемся в Западной Европе уже к началу XII в.

Катаризм является самой значительной ересью Высокого Средневековья. Расцвет феодализма и усиление церковной власти приводили к возрастанию народного недовольства. Катаризм уникален прежде всего своими этическими и социальными воззрениями. Еретики распространились по всей Европе под разными именами: богомилов, катаров, патаренов, манихеев, но суть оставалась единой. В отличие от предшествующих еретиков, катары предлагали реформу всех сфер жизни. Для более ранних ересей характерно два варианта социальной жизни: либо полный уход от мира, крайний аскетизм и отсутствие интереса к земной жизни, либо же исключительно доктринальные изменения, не связанные с политикой. Катаризм объединил обе эти крайности. Их духовенство не имело личного имущества, кроме одежды и Библии, но при этом оно не запиралось в монастырях, напротив, катарские проповедники ходили по всей Европе, будучи везде желанными гостями. В то же время на юге современной Франции, в Окситании, бывшей в то время отдельным феодальным государством, стремительно набирал силу социальный аспект катарского учения. Появление жанра куртуазной поэзии трубадуров, не стеснявшихся петь обо всем, что происходило вокруг, уравнивание полов в правах, бурные богословские споры и дискуссии, республиканская форма правления в некоторых городах как наследство павшего Рима – все это сделало катарскую ересь не только ересью, но и уникальной культурой, по сути, отдельным просвещенным государством [4], появившемся на почве средневекового европейского мракобесия, впрочем, тогда еще не набравшего максимальной силы.

Уничтожение катаризма в ходе так называемого Альбигойского крестового похода ввергло Старый Свет в пучину мрака и «охоты на ведьм», на несколько веков сделав Инквизицию одним из сильнейших карательных органов. Во многом катаризм предвосхитил Реформацию, хотя он и был уничтожен, но идеи его воплотились в жизнь спустя века благодаря Мартину Лютеру.

Датой начала Реформации принято считать 31 октября 1517 г., когда католический доктор богословия Мартин Лютер прибил к дверям церкви список своих требований к Западной Церкви, получивший название «95 тезисов». Разумеется, предпосылки Реформации появились задолго до этой даты, но они не увенчались особым успехом в отличие от выступлений Лютера, Кальвина, Цвингли. Реформация была встречена с одной стороны восторгом простого народа и ряда знатных людей, с другой – активным противодействием Католической церкви. Продажа индульгенций, столь прибыльная для Папского престола, церковные поборы в виде десятины, свобода церкви от налогов душили простой народ и не позволяли развиваться свободным крестьянам и ремесленникам. Лютер и его сторонники призвали отделить религию от государства и позволить людям развиваться вне католического мышления. Наступающая эпоха Возрождения с идеями гуманизма была пропитана духом протестантизма. Как и другие церковные расколы, Реформация была встречена неоднозначно, более ста лет продолжались религиозные войны за право свободного вероисповедания. Добившись в итоге своего, протестантские страны стали развиваться по совершенно иному сценарию, нежели это было бы при господствующей католической вере. Наступала эпоха капитализма.

В само вероучение протестантизма первой волны – особенно кальвинизма – заложены капиталистические идеи. Ригоризм и учение о предопределенности судьбы толкуются с точки зрения нажитого имущества. Если христианин беден, то лишь потому, что его жизнь негодна Богу, поэтому каждый стремился как можно больше работать и, разумеется, зарабатывать, чтобы не ощущать себя проклятым и не быть презираемым соседями. Подобная установка привела к бурному развитию ремесел и сельского хозяйства.

Первая волна протестантизма (лютеранство, кальвинизм, цвинглианство) все же в первую очередь добивалась реформы именно религиозной системы. На втором, пусть и немаловажном месте, стояли социальные свободы. Но, как это часто бывает, некоторые люди попытались использовать религию для прикрытия собственных политических амбиций. Вторая волна сектантского протестантизма носила характер более социальный, нежели религиозный. Анабаптизм, основанный в 1520 г. Томасом Мюнцером, был резко осужден Мартином Лютером. Это движение провозгласило полную социальную свободу для своих последователей. Анархизм и неподчинение официальной светской власти были поставлены во главу угла. Общность жен и имущества являются наиболее характерными чертами анабаптизма. «Чтобы сделать всех равными не только по общественному положению, но и по образованию, Бокгольд приказал предать сожжению библиотеки и истребить произведения искусства» [5. С. 99 – 100]. После взятия основного оплота анабаптистов – г. Мюнстера их движение стало приходить в упадок. Их прямые наследники меннониты были гораздо менее радикальны, но все же анархизм, протест против службы в армии и светских судов занимали центральную роль в их вероучении.

В итоге Реформация породила протестантизм, расколовшийся впоследствии на десятки или даже сотни отдельных течений. С социальной точки зрения, Реформацию сложно переоценить: появление гуманизма, свободных искусств и стремительное развитие экономики являются несомненными плюсами. С точки зрения вероучительной, постоянное дробление и без того многочисленных движений – явление неоднозначное.

Исследуя социальное значение периодов церковных расколов, первое, что бросается в глаза – это отсутствие принципиального отличия религиозных конфликтов от любых других. Множество людей пало жертвами за идею, за свою веру, которая при этом все равно оставалась христианской. Сожженные города во время альбигойских войн, осужденные на смерть Инквизицией, целые армии, павшие за торжество Реформации – все это позорный список и черные страницы в истории христианской Церкви. Однако есть и другая сторона медали. Для варварской средневековой Европы именно христианство оставалось тем маяком, который не позволял ей вернуться во времена родоплеменных отношений. Открывались университеты и школы при монастырях, космополитичность римской Церкви позволяла европейцам находить общий язык с иностранцами, самобытная культура Прованса, пусть и уничтоженная Францией, не забыта, она задала тон всей культурной жизни того времени. История религиозных войн и расколов – не только история насилия, но и история развития человеческой мысли от Средневековья к Возрождению.

Литература

1. Поснов, М. Э. История христианской церкви (до разделения церквей 1054 г.) / М. Э. Поснов. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1988. – 831 с.
2. Табак, Ю. А. Православие и католичество. Основные догматические и обрядовые расхождения / Ю. А. Табак. – СПб. : Встреча, 2002. – 65 с.
3. Loos, M. Dualist Heresy in the Middle Ages / M. Loos ; пер. Д. М. Алексеев. – Prague: Czechoslovak Academy of Sciences, 1974. – 705 p.
4. Нелли, Р. Катары. Святые еретики / Р. Нелли. – М. : Вече, 2005. – 400 с.
5. Прот. Зноско-Боровский, М. Православие, римо-католичество, протестантизм, сектантство. Сравнительное богословие / Прот. М. Зноско-Боровский. – М. : Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – 179 с.